

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПТЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАМКИ¹

В.В. ВОЛЬЧИК,

доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

Д.Д. КРИВОШЕЕВА-МЕДЯНЦЕВА,

бакалавр экономики, магистрант,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: medyantsevad@sfedu.ru

В статье проанализированы различные теоретические подходы к трактовке институциональной структуры и институциональных изменений. На основе обобщения концепций оригинального институционализма и новой институциональной экономики в традиции позднего Д. Норта разработаны теоретические рамки для анализа институциональной структуры сферы образования. В ходе реформ изменяются институты и институциональная структура сферы образования. Эти процессы детерминируют изменения организационной структуры, стимулов, контрактов и поведенческих паттернов основных акторов. В свою очередь, акторы вынуждены соотносить изменения институтов с доминирующими ценностями, своими интересами и альтернативными вариантами поведения. Несмотря на то, что новые институты могут быть неэффективными в перспективе, акторы зачастую принимают их вследствие того, что они не могут оказывать сопротивление или по причине непонимания сути новых институциональных структур. В то же время, подобные институты часто становятся причиной возникновения гибридных организаций. В случае если образовательная организация принимает гибридную форму, ей будет практически невозможно пройти отбор на соответствие постоянно меняющимся критериям эффективности. Таким образом, акторы вынуждены адаптироваться к непрерывно трансформирующейся институциональной среде в условиях неопределенности.

Ключевые слова: институциональные изменения; институты; высшее образование; институциональная структура.

INSTITUTIONAL STRUCTURE OF HIGHER EDUCATION IN RUSSIA: PRINCIPAL CONCEPTS AND THEORETICAL FRAMEWORKS

V.V. VOLCHIK,

Doctor of Economics (DSc), Professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: volchik@sfedu.ru;

D.D. KRIVOSHEEVA-MEDYANTSEVA,

Bachelor of Economics, Master Student,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: medyantsevad@sfedu.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ: Грант № 15-32-01019 «Институциональные изменения структуры российской сферы образования и адаптивное экономическое поведение (на примере Ростовской области)».

This paper examines a variety of theoretical concepts and approaches to understanding institutional structures and institutional change. Based on the concepts of original institutionalism and new institutional economics of «late» Douglass North, we attempt to develop a theoretical framework for analyzing the institutional structure of Russian higher education. Institutions and institutional structures in the field of higher education are changing rapidly in the course of reforms. This process determines actors' behavioral patterns, incentives and values. Actors tend to adjust the effects of institutional change to prevailing values and their own interests by developing alternative behavioral patterns. Although new institutions can be inefficient and problematic, actors often accept them because they are not able to resist, or they just do not understand new institutional structures clearly. Meanwhile, such institutions often lead to hybrid organizations. If a university becomes a hybrid organization, it may fail to overcome the selection barriers created by the government. Therefore, university students, lecturers and staff at all levels need to conform to constantly changing institutional conditions. This article aims at providing a theoretical framework for identifying working rules, incentives and values that influence actors' behavior in the field.

Key words: institutional change; institutions; higher education; institutional structure.

JEL Classifications: B52, I23.

1. Институциональная структура

Исследования институтов предполагают определенный уровень абстракции и конвенциональных соглашений среди ученых-институционалистов, какими бы реалистичными ни были рабочие гипотезы и фактические данные. Институты являются в широком смысле продуктом человеческой культуры. И хотя мы не оспариваем эволюционный характер формирования институтов, важно также учитывать факторы коллективных действий и интенциональности акторов (Норт, 2010). Таким образом, элементы институциональной структуры (среды) экономической системы (порядка) или конкретной сферы хозяйствования можно выделить в зависимости от конкретных потребностей исследователя и определенных соглашений в рамках научного направления.

Вначале мы должны определить фундаментальные принципы классификации институтов как элементов институциональной структуры. Безусловно, первым элементом классификации будет разделение институтов на формальные и неформальные (Норт, 1997; Тамбовцев, 2014). Следующий элемент основан на отношении институтов к институциональным изменениям и включает эндогенные и экзогенные институты (Krug and Hendrischke, 2010). Еще одним элементом классификации может быть разделение институтов на глобальные, национальные, региональные и локальные в контексте проводимой экономической политики (Herrmann-Pillath, 2006). Также существует подход к классификации иерархии институциональной организации в зависимости от масштаба и качества регулируемых взаимодействий между акторами (Вольчик, Бережной, 2009).

Одну из самых известных классификаций институтов предложил Уильямсон (Williamson, 2000). Его классификация основана на принципах цели и скорости изменения институтов. Уильямсон выделяет 4 институциональных уровня в соответствии со скоростью институциональных изменений на каждом из них. На самом высоком уровне располагаются неформальные институты, культурные установки, обычаи, традиции и религиозные нормы, скорость изменения в которых измеряется веками и тысячелетиями. Такие неформальные институты (institutions of embeddedness) – глубоко укорененные, или каркасные, институты – создают основу для внедряемых формальных институтов. Институты первого уровня укоренены в сознании акторов, причем эта укорененность (embeddedness) может быть разных видов: когнитивная, культурная, структурная и политическая (Ibid. P. 596–597).

Институты на первом уровне тесно связаны с господствующими в обществе ценностями и воспринимаются акторами (чаще всего имплицитно) как обладающие моральной, политической и эпистемологической легитимностью. Под легитимностью понимается согласованность с некими фундаментальными ценностями. Легитимным признаётся то, что считается правильным в соответствии с принятыми в обществе специфическими ценностями. Легитимными могут быть признаны те институты, которые, даже подвергшись критике, все равно признаются подходящими и правильными (Dequech, 2013. P. 95).

Согласно Уильямсону, идентификация и объяснение механизмов, посредством которых неформальные институты создаются и функционируют, могут помочь понять процесс медленных изме-

нений на первом уровне. Также Уильямсон отмечает, что появление неформальных правил носит преимущественно спонтанный характер, вследствие чего делиберативный процесс институционального выбора сложно осуществим, при этом такие институты характеризуются высокой инерционностью. Кроме того, надо понимать, что сообщества, в особенности замкнутые, часто активно сопротивляются институциональным изменениям, защищая себя от «чужих» ценностей (*Williamson, 2000. P. 597–598*).

Второй уровень представляет собой институциональную среду, которая является результатом эволюционного развития. Возможности осуществлять изменения на втором уровне выше, здесь базируются формальные институты высшего порядка, вписанные в институциональный каркас институтов первого уровня, в их числе могут быть, например, законы и нормы, регулирующие распределение прав собственности в обществе. На этом уровне скорость институциональных изменений выше, речь идет уже о веках и десятилетиях (*Williamson, 2000. P. 598*).

На третьем уровне расположены институты управления (*institutions of governance*), или механизмы регулирования. Институты третьего уровня представляют собой некоторые наборы правил, регулирующие повседневные взаимодействия, в том числе контрактные отношения. Предполагается, что механизмы регулирования третьего уровня должны корректироваться с тем, чтобы минимизировать трансакционные издержки. Изменения институтов третьего уровня не столь масштабные, это скорее подгонка или корректировка, обычно занимающая период до нескольких лет (*Kingston and Caballero, 2009. P. 167*).

Самый низший уровень отводится правилам, прописанным в контрактах; к таким правилам может относиться порядок определения цен. Подобные нормы будут, согласно Уильямсону, меняться постоянно. Уильямсон предполагает, что результат изменений на самом низшем уровне может отразиться на процессе институциональных изменений самого высшего уровня в долгосрочной перспективе, но, вместе с тем, сознательно эту возможность игнорирует. Также он пишет о том, что новая институциональная экономическая теория работает только на двух уровнях, а именно на втором и третьем, в то время как первый уровень – это «важная, но не доработанная часть истории» (*Williamson, 2000. P. 610*). Таким образом, получается, что неформальные институты зачастую воспринимаются институционалистами как экзогенный параметр, который можно исключить из анализа.

Таблица 1

Классификация институтов О. Уильямсона*

Уровень	Частота институциональных изменений	Цель / Суть	
1	Каркасные (глубокоукорененные) неформальные институты (традиции, обычаи, религиозные правила)	Тысячелетия и столетия	Цель размыта, спонтанный характер происхождения институтов
2	Институциональная среда: формальные правила игры (в особенности относительно распределения прав собственности, формы правления, судопроизводства)	Столетия и десятилетия	Правильное понимание институциональной среды
3	Управление через механизмы регулирования. Основной процесс – корректирование управленческих структур в соответствии с осуществляемыми транзакциями	Десятилетия и годы	Правильное понимание структуры управления. Снижение трансакционных издержек
4	Правила, прописанные в контрактах, например распределение ресурсов, условия занятости, стимулы	Непрерывный процесс	Достижение эффективности при исполнении контрактов

* (*Williamson, 2000. P. 597*).

Институциональная структура (или среда) формирует пространство возможностей для совершения транзакций как в экономике в целом, так и в отдельных отраслях производства и сферах общественного сектора. Важно учитывать при исследовании институциональной структуры тот факт, что экзогенные институты формируют организационные структуры фирм и некоммерческих организаций, функционирующих в существующей институциональной среде (*Meyer and Rowan, 1977*).

Так, изменение формальных институтов может серьезно влиять на организационную структуру. Хорошим примером служит вступление в силу в 2013 году нового закона об образовании, согласно которому система начального профессионального образования (НПО) перестала существовать как самостоятельный уровень профессионального образования, перейдя в структуру среднего профессионального образования (СПО). На практике такие институциональные изменения привели, с одной стороны, к закрытию части ПТУ, с другой стороны – к трансформации оставшихся ПТУ в техникумы и колледжи, реализующие программы среднего профессионального образования согласно новому закону, но в ряде случаев не имеющие должной кадровой и материальной базы для этого.

2. Институциональные изменения

Наш подход к идентификации и структурированию институтов сферы образования основан на синтезе теоретических подходов оригинального институционализма и новой институциональной экономики в традиции позднего Д. Норта. Следовательно, институциональная структура экономики рассматривается сквозь призму неэргодической природы эволюционных процессов. Еще одной важной особенностью при исследовании институциональных изменений является их тесная взаимосвязь с дискурсами и пониманием акторами правил и ограничений, которые несут в себе институты. Для того чтобы понимать, как институты структурируют повторяющиеся взаимодействия между акторами, необходимо идентифицировать эти институты, их взаимосвязь и комплементарность.

Согласно Норту, процесс институциональных изменений в обществе связан с убеждениями и интенциями людей в этом обществе, в особенности с теми, которые поддерживаются политическими и экономическими лидерами, способными влиять на ход институциональных изменений в государстве. «Доминирующие убеждения со временем вырастают в структуру институтов, определяющих экономическое и политическое поведение... складывающаяся в итоге институциональная матрица накладывает серьезные ограничения на возможности выбора для лидеров, которые пытаются модернизировать существующие или создать новые институты для того, чтобы улучшить свои экономические или политические позиции» (Норт, 2000. С. 15).

В рамках концепции Норта процесс институциональных изменений носит скорее поступательный, чем внезапный характер и представляет собой совокупность большого количества незначительных по своему масштабу изменений. Более того, процесс институциональных изменений зависит от предшествующей траектории развития, поскольку индивиды учатся, организации развиваются, и идеологии формируются в контексте определенного набора формальных и неформальных правил (North, 1990. Ch. 9). Организации могут попытаться изменить формальные правила в свою пользу, и через некоторое время эти попытки приведут к изменениям в неформальных правилах. Норт также замечает, что ограниченная рациональность акторов и институциональная инерция могут препятствовать внедрению эффективных институциональных изменений.

Институты могут подвергаться трансформации – из неформальных становиться формальными. Так многие институты и механизмы регулирования в начале своего развития распространялись на очень ограниченном пространстве, локально, и выполнять правила можно было по желанию. В дальнейшем, однако, конкуренция, экономия от масштаба и сетевые эффекты привели к тому, что некоторые институты стали «победителями», превратились в регулярности, закрепились в институциональной среде, и выполнение правил, заложенных в таких институтах, стало обязательным (Brousseau and Raynaud, 2008; Bowles and Naidu, 2006).

В неоклассических исследованиях экономика имплицитно рассматривается как эргодическая система, где под эргодичностью понимается свойство динамической системы, состоящее в том, что в процессе эволюции системы почти каждая ее точка с определенной правильностью проходит вблизи любой другой точки системы. Реальный мир, в котором мы живем, является неэргодичным – этот мир постоянно возникающих новых изменений. Норт отмечает, что создавая и изменяя социум и его институты, мы сталкиваемся с уникальными явлениями по сравнению со всем, что имело место в прошлом (Норт, 2010). Неэргодичность и фундаментальная неопределенность в экономике смещают акценты от поиска всеобщих универсальных законов к исследованиям конкретных институтов и структур в контексте исторической и культурной специфики развития хозяйственных порядков.

Процесс институциональных изменений чрезвычайно сложен, именно поэтому существует множество теоретических подходов к его пониманию. Многие авторы рассматривают институциональные изменения как централизованный процесс коллективного выбора, когда правила явно специфицируются обществом или государством, а индивиды и организации вовлекаются в процес-

сы коллективного действия, конфликты и различные сделки с тем, чтобы попытаться изменить уже существующие правила, преследуя свои интересы (Олсон, 1995; Olson, 1995; Schmid, 2005; Eggertsson, 1990). Такой подход больше характерен для конвергентного с неоклассикой неоинституционализма.

Контракты и соглашения, сами по себе, представляют некую игру, правила которой определяются на высшем уровне, и эти правила, наложенные на действия и ощущения акторов, формируют направления институциональных изменений, которые происходят в правилах более низкого порядка (Kingston and Coballero, 2009. P. 155).

Подобный описанному выше подход использовала Остром (Ostrom, 2005), говоря о многослойной иерархии правил. Она проводила различия между операционными правилами, которые используются в повседневных взаимодействиях, и конституционными правилами, которые регулируют коллективный выбор. Также могут быть выделены метаконституционные правила – правила для выбора конституционных правил.

Анализируя процесс формирования правил на одном уровне, Остром предполагала, что правила на более высоких уровнях не изменяются, то есть они зафиксированы (Ostrom, 2005. P. 61). Согласно Остром, процесс институциональных изменений происходит следующим образом: каждый индивид просчитывает ожидаемые издержки и выгоды от институциональных изменений, и если решение «минимальной коалиции» относительно этих изменений положительно (она готова их принять), изменения могут произойти. Сразу возникает вопрос, что понимать под «минимальной коалицией»? Надо сказать, размер минимальной коалиции определяется правилами высокого порядка, например, в диктаторском государстве правитель сам может принять какое-либо решение, и тогда он и будет образовывать «минимальную коалицию»; в демократических режимах «минимальная коалиция» будет определяться большинством голосов в парламенте (Kingston and Coballero, 2009. P. 155–156).

Процесс институциональных изменений может также рассматриваться через зависимость от предшествующего пути развития (Libecap, 1989; David, 1994; David, 2007; Arthur, 1989; Asemoglu and Robinson, 2006; Asemoglu and Robinson, 2012). История имеет значение, поскольку прошлые политические соглашения создают институциональный каркас, способный ответить новым вызовам в случае наличия несогласных, например с распределением собственности. Формируются группы сторонников и противников сложившихся институтов, соответственно, с изменением соотношения числа противников и сторонников новых институциональных изменений будут также возникать новые альтернативы и предложения. От влиятельности и политических возможностей данных групп и будет зависеть судьба институциональных изменений (Вольчик, Бережной, 2012).

Феноменом зависимости от предшествующего пути развития в экономике объясняются причины «живучести» институтов (North, 1990), возникновения эффектов блокировки и возрастающей отдачи (Arthur, 1989; Pierson, 2000), а также неслучайного возникновения или повторения тех или иных событий в экономической жизни разных стран (Asemoglu and Robinson, 2012). Основной идеей популярного концепта является фраза «history matters», или «история имеет значение»; тем не менее, феномен зависимости от предшествующего развития также может рассматриваться сквозь призму информации, которой обладает актор, и тогда мы имеем дело с формулой «information matters». Этот подход достаточно подробно рассматривается в работе (Heikkila, 2011. P. 23).

В теории представителя оригинального институционализма Дж. Коммонса значительная роль в создании новых правил отводится судебной системе (Коммонс, 2011). Коммонс сосредоточивается на том, как политически обоснованные правила игры влияют на экономическое поведение и производительность, при этом допускается, что правила могут создаваться различными группами интересов и организациями, но окончательное решение будет все же за государством (Kaufman, 2007. P. 16). Акторы могут попытаться изменить существующие правила через судебный процесс и, таким образом, именно суды будут направлять процесс институциональных изменений, который Коммонс называл «искусственным отбором» в противопоставление эволюционным теориям и «естественному отбору» (Hodgson, 2004).

В рамках старой (оригинальной) институциональной экономики понятие действующих норм является центральным для понимания экономических взаимодействий, которые могут быть сведены к трем видам трансакций: торга, управления и нормирования (рационального) (Коммонс, 2012). «Характеристикой всех действующих норм является то, что они действительно регулируют те аспекты человеческого поведения, которые могут получать имена прав и свобод. Действующие нормы (правила) просто сообщают, что индивиды должны или не должны делать, что им позволено делать, а также что они могут или не могут делать, если властные органы, разрешающие споры, употребляют коллективную власть сообщества в отношении указанных индивидов» (Коммонс, 2011. С. 156).

Процесс принятия решений и адаптации к изменяющимся институциональным условиям будет зависеть от того информационного контента, которым обладает, или, что более важно, не обладает актер относительно состояния среды. Запас знаний или информации, полученный разными путями, в том числе через истории, рассказанные другими людьми, может формировать решения, которые принимают индивиды. Тем не менее, возможна ситуация, в которой индивид примет одно и то же решение независимо от того, обладает он информацией или нет.

Важным является вопрос, как информация влияет на адаптивную рациональность и принятие решения? Конечно, неявное знание о прошлом опыте может быть «вписано» в существующие нормы и практики, но в какой степени прошлое влияет на новые решения при изменении институциональных норм и практик? Необходимо отметить, что прошлое влияет только в том случае, если о нем известно. Можно привести пример. Допустим, некий индивид преступил закон, был осужден и понес наказание. Повлияет ли информация об этом факте его биографии на решение, например, о его принятии на работу? Да, безусловно, повлияет, если информация о судимости станет известна работодателю, независимо от того, как этот человек себя ведет, как он выглядит в настоящем. Однако в том случае, если видимых свидетельств его судимости в настоящем не будет, как не будет и формальных свидетельств, то с большой долей вероятности факт наличия этой судимости никак не повлияет на решение о принятии индивида на работу, и решение будет тогда независимым от предшествующего пути (*Heikkila, 2011. P. 28–30*).

В рамках эволюционного подхода обучение и институциональные изменения часто рассматриваются как неразрывно связанные процессы. В условиях сложной и стремительно изменяющейся институциональной среды идентификация и принятие новых институциональных паттернов требуют развитых когнитивных способностей со стороны акторов и могут быть осуществлены только в том случае, если наличествующий набор навыков и рутин постоянно совершенствуется и адаптируется через практическое применение (*Nelson, 1991. P. 71; Landini, 2013. P. 269*).

Новые институциональные паттерны не просто «выбираются» в тот момент, когда позволяют обстоятельства. Институты, как и технологии, эволюционируют таким образом, что прогнозировать этот процесс практически невозможно. Необходимо понимать, что даже в том случае, если организации осознанно идут на изменения, может потребоваться очень длительный период времени, чтобы они комфортно и эффективно функционировали «в новых одеждах» (*Landini, 2013. P. 269*).

Организации зачастую приспосабливаются к новым институтам посредством кумулятивных процессов обучения, в ходе которых потенциальные институциональные модели тестируются и испытываются в условиях наличествующей институциональной среды. В том случае, если отзывы положительные, – изменения принимаются и организации работают по-новому. Напротив, если нововведения отвергаются, – организации возвращаются к своему первоначальному варианту функционирования. Метод проб и ошибок признается ключевым в процессе эволюции институциональных моделей поведения организаций. Наличие комплементарности между старыми существующими институтами может ограничивать скорость институциональных изменений и процесс обучения, в том смысле, что новые практики и нормы, если они некомплементарны уже существующим, сложны для выполнения и требуют дополнительных знаний и опыта (которых еще нет просто в силу объективных причин – отсутствия времени), и приведут к образованию гибридных режимов работы на уровне исполнителей. Само функционирование такой организации также станет «гибридным», в силу чего – неэффективным (*Landini, 2013*).

Необходимо понимать, что процедурные требования, которые обходятся актерам дорого (в плане материальных, организационных и временных затрат), могут в значительной мере ограничивать процесс институциональных изменений. Более того, непрозрачность и нестабильность государственной политики по отношению к тем или иным сферам общественной и экономической жизни также будут снижать интерес и стимулы людей работать на долгосрочную перспективу (*Spencer and Gomez, 2004. P. 1100*).

В эволюционной теории процесс институциональных изменений рассматривается сквозь призму привычек. Привычка трактуется как устойчивая склонность думать и вести себя определенным образом, при этом привычки могут время от времени адаптироваться к изменяющейся среде. Привычки связаны с концептом ограниченной рациональности, так как позволяют индивиду следовать по уже знакомому пути, не растрачивая понапрасну умственные способности. Так, согласно Веблену: «Институты – это, по сути дела, распространенный образ мысли в том, что касается отдельных отношений между обществом и личностью и отдельных выполняемых ими функций; и система жизни общества, которая складывается из совокупности действующих в определенное время или в любой

момент развития какого угодно общества, может с психологической стороны быть охарактеризована в общих чертах как превалирующая духовная позиция или распространенное представление об образе жизни в обществе» (Веблен, 1984. С.201–202). Развитие социальной (или институциональной) структуры, по Веблену, представляет собой процесс естественного отбора институтов как самых подходящих «образов мысли» или «разделяемых обществом привычек». Процесс институциональных изменений происходит, таким образом, путем адаптации индивидуальных привычек к изменяющейся среде через создание новых институтов, то есть осуществляется параллельный процесс приспособления индивидуальных привычек и тех, которые разделяются обществом. В любой момент времени индивидуальные и разделяемые обществом привычки связаны с прошлым, находятся под влиянием настоящего и определяют направление процесса институциональных изменений в будущем (Kingston and Coballero, 2009. P. 161–162).

3. Изменения институциональной структуры в сфере образования

Институциональные изменения в сфере образования формируют новые стимулы и поведенческие паттерны у основных акторов. Однако акторы не всегда могут выбирать эффективные или сравнительно эффективные стратегии поведения в связи с зависимостью от предшествующей траектории развития, институциональной инерцией, а также адаптацией к новым условиям осуществления повторяющихся взаимодействий (как рыночных, так и нерыночных).

Институциональные изменения в сфере образования чаще всего являются следствием принятия новых нормативных актов (законов, постановлений, «дорожных карт», программ, стандартов и т.д.). Трансформации институтов детерминируют организационные изменения и требуют времени и ресурсов для достижения контрольных показателей развития. Примером может служить ситуация с принятием новых Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС). ФГОС формулирует ряд требований к финансовому, материально-техническому, информационному и учебно-методическому обеспечению образовательного процесса. Вузы решают эту проблему в пределах выделенного государством финансирования, если такого финансирования нет априори или не хватает для закупки соответствующего оборудования и программного обеспечения, это становится проблемой самого вуза и его сотрудников (Зырянов, Котловский, Синяков, 2012. С. 9).

За достаточно короткий промежуток времени учреждениям высшего образования необходимо было подготовить и разработать новые образовательные программы с учетом всех требований по определенному стандарту. В большинстве вузов эта работа была возложена на плечи преподавателей кафедр, которые теперь обязаны подумать не только о содержании своего курса, но и выполнять все требования ФГОС, совмещая, таким образом, должность преподавателя, доцента или профессора с работой администратора, менеджера, бухгалтера или даже завхоза. Если исходить из того, что в высшей школе трудятся люди с интеллектом выше среднего, им необходимы знания о том, как справляться с новым объемом бумажной работы. Руководители вузов пытаются организовать подобное обучение, но, к сожалению, от 23 до 40% преподавателей вузов не проходили курсов повышения квалификации в связи с переходом на ФГОС по внутривузовским программам. Тогда вузам целесообразно было бы обратиться к внешним программам повышения квалификации. Однако и здесь процент вузов, преподаватели которых не проходили повышение квалификации, довольно высок. По расчетам (Зырянов, Котловский, Синяков, 2012. С. 7) в целом вузы сумели обеспечить повышение квалификации по разной проблематике в отношении ФГОС не более 25% своих преподавателей. И хотя в настоящее время в ведущих вузах² почти все руководители направлений подготовки прошли необходимое повышение квалификации – четкое и операционное понимание сути институциональных и организационных изменений у акторов только начинает формироваться.

Массовый переход на эффективные контракты после ноября 2012 г., когда распоряжением Правительства РФ была принята Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях, приводит к тому, что университеты, институты и академии вынуждены расставаться с сотрудниками, которые работали много лет, по причине их неэффективности, несоответствия введенным не так давно критериям. Для того чтобы сохранить свое место в вузе, преподаватель обязан одновременно учить студентов, заниматься исследованиями, быть менеджером и хорошим администратором (это, безусловно, необходимо, но требует по крайней мере времени и дополнительных ресурсов). Переход на эффективные контракты происхо-

² Например, в Южном федеральном университете за период с ноября 2014 г. по май 2015 г. все руководители направлений подготовки и руководители специализированных магистерских программ в обязательном порядке прошли повышение квалификации по программе: «Проектирование и механизмы реализации основных образовательных программ».

дит одновременно с волнами оптимизации преподавательского состава в университетах. Демографическая яма, сокращение бюджетных мест и программ подготовки бакалавров и магистров по неприоритетным (и даже приоритетным) для государства направлениям становятся причиной существенной реструктуризации штатов. Поскольку реализация этого процесса и достижение оптимального соотношения преподаватель–студенты становятся одной из важнейших задач менеджмента вузов, всё это формирует в преподавательской среде неопределенность, которая оказывает неоднозначное влияние на стимулы и интенции НПП (научно-педагогических работников). В итоге возникает необходимость проводить оптимизацию с тем, чтобы выполнить показатели, которые могут измениться (и скорее всего изменятся) в будущем (Булгакова, 2013a; Булгакова, 2013b; Булгакова, 2015).

Данные оптимизационные процессы в среднесрочном периоде могут привести к непредсказуемым последствиям. Не секрет, что подготовка преподавателя университета в системе высшего образования занимает минимум девять лет (несложная арифметика: 4 года в бакалавриате, 2 в магистратуре и 3 в аспирантуре), при этом уход преподавателя в реальный сектор экономики (в лучшем случае) практически исключает для него возможность в будущем вернуться в университет, так как исследовательская и преподавательская виды деятельности достаточно специфичны, и навыки теряются очень стремительно, более того, наука не стоит на месте. Молодым людям в силу жестких критериев тоже не придется поработать в вузе, и, таким образом, уже через пять лет, когда на смену поколению 1990-х придет поколение благополучных 2000-х, в университетах будет дефицит преподавателей, ведь многие из них перекавалифицируются и будут заняты другой деятельностью. Также одним из возможных последствий этого будет нарушение преемственности в развитии отечественных научных школ.

Для того чтобы структуры изменялись, необходимо время. В том случае, если акторы не будут заинтересованы в изменениях, неэффективные институты будут продолжать свое существование, формируя гибриды, о которых шла речь выше. Надо понимать однако, что даже если все преграды преодолены, и процесс институциональных изменений запущен, результат не может быть получен мгновенно, эти изменения будут реализовываться постепенно, пошагово. Очевидно также, что достичь согласия относительно небольших преобразований значительно проще, чем вносить радикальные изменения в существующие правила (Kingston and Coballero, 2009. P. 156). Основные акторы должны быть включены в делиберативный процесс, который, в частности, будет способствовать пониманию сущности и функций внедряемых институтов и механизмов регулирования. Если такое понимание не достигается в течение длительного времени, может наблюдаться эффект «беговой дорожки» – усилий много, а движения вперед нет.

В исследованиях российской сферы образования, науки и инновационного предпринимательства отмечается тот факт, что акторы имеют неправильное и неточное представление о результатах проводимых институциональных изменений – «предприниматели, профессура университетов, государственные служащие – все с легкостью нарушают правила игры, поскольку никто не знает точно, каковы они» (Грэхэм, 2014. С. 377). Некоторые акторы также могут экспериментировать с институциональными инновациями и пытаться имитировать успешные институты, которые были где-то «подсмотрены» (Ostrom, 2005. Ch. 4). Такая институциональная трансплантация обычно не проходит успешно, так как «пациент» в лице организации, системы или общества в целом просто не готов. Процесс институциональных изменений будет успешным в том случае, если он протекает делиберативно, акторы рефлексиируют и обсуждают изменения между собой, постепенно приходит понимание. В итоге изменения, пусть медленно, но осуществляются (Kingston and Coballero, 2009. P. 157).

В рамках нашей концепции исследования изменений институциональной структуры сферы образования можно выделить несколько принципиальных подходов и исследовательских практик. Мы исходим из двойственной природы институтов и, следовательно, институциональной структуры. С одной стороны, объективно существуют формальные институты (например, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», подзаконные нормативные акты и т.д.). Кроме того существует определяемая формальными институтами организационная структура, состоящая из органов управления и организаций, осуществляющих образовательную деятельность. Однако правила и механизмы инфорсменты, содержащиеся в формальных институтах, могут по-разному трактоваться и использоваться акторами в своей повседневной деятельности. Поэтому при исследовании формальных институтов необходимо исходить не только из анализа существующих нормативных актов и организационных регламентов, но и учитывать интерпретацию данных институтов акторами, через анализ их дискурсов.

С другой стороны, имеют место неформальные институты и связанные с ними инерционные и устойчивые поведенческие паттерны. Неформальные институты, исходя из своей природы, могут быть идентифицированы несколькими способами. Основной способ (в рамках нашего подхода) – это анализ дискурсов или историй, рассказываемых основными акторами. Основным источником эмпирических данных здесь будет полуструктурированное исследовательское интервью (Квале, 2009) основных акторов, разбитых на три группы: преподаватели, обучающиеся (студенты) и управленцы. Вместе с тем немаловажным методом идентификации неформальных институтов может служить включенное наблюдение исследователей, которые являются акторами, непосредственно включенными в действие институциональной структуры сферы образования³.

В настоящей статье мы лишь обозначили концептуальные рамки для исследования изменений в институциональной структуре российской сферы образования, а также адаптивного поведения основных акторов. Для получения надежных и в перспективе воспроизводимых теоретических результатов еще предстоит проведение значительного объема эмпирических исследований и анализ полученных данных.

В рамках нашего подхода нам необходимо идентифицировать релевантные институты, относящиеся преимущественно ко второму, третьему уровням в классификации Уильямсона. Идентификация институтов позволяет выделить действующие правила, определяющие возможности и параметры осуществления трансакций. Исследование элементов институциональной структуры предполагает не только выделение уровней и сферы регулирующего воздействия институтов, но, что особенно важно, анализ комплементарности институтов. Все это необходимо, чтобы проанализировать влияние институтов на изменение поведенческих паттернов основных акторов сквозь призму их адаптивного поведения. Полученные в перспективе результаты могут не только служить лучшему пониманию происходящих процессов в российской сфере образования, но и способствовать разработке и совершенствованию новых механизмов регулирования и институтов.

ЛИТЕРАТУРА

Булгакова Н. (2013а). Лики симулякра // *Еженедельная газета научного сообщества «Поиск»* (<http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/6808/>).

Булгакова Н. (2013б). После канонады. Преподавателей вузов зовут в наступление // *Еженедельная газета научного сообщества «Поиск»* (<http://www.poisknews.ru/theme/edu/8211/>).

Булгакова Н. (2015). Поощрять и сокращать. Преподавателей ВУЗов испытывают на эффективность // *Еженедельная газета научного сообщества «Поиск»* (<http://www.poisknews.ru/theme/edu/13884/>).

Веблен Т. (1984). Теория праздного класса. М.: Прогресс.

Вольчик В.В., Бережной И.В. (2009). Иерархия и комплементарность институтов в рамках хозяйственного порядка // *Terra Economicus*, т. 7, № 2, с. 65–73.

Вольчик В.В., Бережной И.В. (2012). Отбор и экзактация институтов: роль групп специальных интересов / В кн.: Архипов А.Ю., Кирдина С.Г., Мартишин Е.М. (ред.) Эволюционная и институциональная экономическая теория: дискуссии, методы и приложения. СПб: Алетей, гл. 8, с. 165–187.

Грэхэм Л. (2014). Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер.

Зырянов В.В., Котловский И.Б., Синяков А.В. (2012). Готовность вузов к реализации ФГОС ВПО (организационный аспект) // *Высшее образование*, № 13, с. 3–13.

Квале С. (2009). Исследовательское интервью. М.: Смысл.

Коммонс Дж. (2011). Правовые основания капитализма. М.: ГУ – ВШЭ.

Коммонс Дж. (2012). Институциональная экономика // *Terra Economicus*, т. 10, № 3, с. 69–76.

Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала.

Норт Д. (2000). Пять тезисов об институциональных изменениях // *Квартальный бюллетень клуба экономистов*, № 4, pp. 3–15.

³ Необходимо отметить, что при исследовании неформальных институтов можно использовать не только характерные для современной социологии качественные методы (например интерпретативный метод, основанный на исследовательских интервью (Квале, 2009), или процедуры и техники, применяемые в рамках обоснованной теории (Страус, Корбин, 2010)), но также экспериментальные игры, моделирование в рамках агент-ориентированных моделей, а также логико-математический анализ норм (Тамбовцев, 2014). Выбор конкретных методов и исследовательских инструментов обусловлен теми или иными теоретическими рамками, принимаемыми исследователями, а также предметной и объектной спецификой.

- Норт Д.* (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: ГУ – ВШЭ.
- Олсон М.* (1995). Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ.
- Страусс А., Корбин, Дж.* (2010). Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М.: КомКнига.
- Тамбовцев В.* (2014). Экономическая теория неформальных институтов. М.: РГ-Пресс.
- Acemoglu D. and Robinson J.* (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Acemoglu D. and Robinson J.* (2012). *The Origins of Power, Prosperity, and Poverty: Why Nations Fail*. NY: Crown Business.
- Arthur W.B.* (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events // *The Economic Journal*, no. 99, pp. 116–131.
- Bowles S. and Naidu S.* (2006). The Persistent Institutions // *Working paper*, no. 08-04-015. Santa Fe Institute.
- Brousseau E. and Raynaud E.* (2008). Climbing the Hierarchical Ladders of Rules: The Dynamics of Institutional Frameworks // *Working paper, Economix*. University of Paris Quest La D efense.
- David P.A.* (1994). Why Are Institutions the «Carriers of History» // *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 5, no. 2, pp. 205–220.
- David P.A.* (2007). Path Dependence, Its Critics and the Quest for «Historical Economics» / In: *Hodgson G.M. (ed.) The Evolution of Economic Institutions: A Critical Reader*. Edward Elgar, pp. 120–142.
- Dequech D.* (2013). Economic Institutions: explanations for conformity and room for deviation // *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.
- Eggertsson T.* (1990). *Economic behavior and institutions: Principles of Neoinstitutional Economics*. Cambridge University Press.
- Heikkila E.J.* (2011). An information perspective on path dependence // *Journal of Institutional Economics*, vol. 7, issue 1, pp. 23–45 (doi:10.1017/S1744137410000202).
- Herrmann-Pillath C.* (2006). Endogenous regionalism // *Journal of Institutional Economics*, vol. 2, no. 3, pp. 297–318 (doi:10.1017/s1744137406000427).
- Hodgson G.M.* (2004). *The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure and Darwinism in American Institutionalism*. Routledge.
- Kaufman B.E.* (2007). The Institutional Economics of John R. Commons: Complement and Substitute for Neoclassical Economic Theory // *Socio-Economic Review*, vol. 5, pp. 3–45.
- Kingston C. and Caballero G.* (2009). Comparing theories of institutional change // *Journal of Institutional Economics*, vol. 5, issue 2, pp. 151–180 (doi:10.1017/S1744137409001283).
- Krug B. and Hendrischke H.* (2010). Market design in Chinese market places // *Asia Pacific Journal of Management*, vol. 29, no. 3, pp. 525–546 (doi:10.1007/s10490-010-9225-5).
- Landini F.* (2013). Institutional change and information production // *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, issue 3, pp. 257–284 (doi:10.1017/S1744137413000064).
- Libecap G.D.* (1989). *Contracting for Property Rights*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meyer J.W. and Rowan B.* (1977). Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // *The American Journal of Sociology*, vol. 83, no. 2, pp. 340–363.
- Nelson R.R.* (1991). Why do firms differ, and how does it matter? // *Strategic Management Journal*, Winter Special Issue (12), pp. 61–74.
- North D.* (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson M. Jr.* (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // *American Economic Review*, vol. 85, no. 2, pp. 22–27.
- Ostrom E.* (2005). *Understanding Institutional Diversity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pierson P.* (2000). Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // *The American Political Science Review*, vol. 94, no. 2, pp. 251–267.
- Schmid A.A. (ed.)* (2004). *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics* (doi:10.1002/9780470773833).
- Spencer J.W. and Gomez C.* (2004). The relationship among national institutional structures, economic factors, and domestic entrepreneurial activity: a multicountry study // *Journal of Business Research*, no. 57, pp. 1098–1107.
- Williamson O.E.* (2000). The New Institutional Economics: Taking stock, Looking ahead // *Journal of economic literature*, vol. XXXVIII, pp. 595–613.

REFERENCES

- Bulgakova N. (2013a). After the cannonade: University Lecturers are called for «attack». *Official portal: Academic Society Weekly Newspaper «Poisk»* (<http://www.poisknews.ru/theme/edu/8211/>). (In Russian).
- Bulgakova N. (2013b). Faces of the simulacrum. *Official portal: Academic Society Weekly Newspaper «Poisk»* (<http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/6808/>). (In Russian).
- Bulgakova N. (2015). University lecturers are encouraged or dismissed: new challenges in achieving effectiveness. *Official portal: Academic Society Weekly Newspaper «Poisk»* (<http://www.poisknews.ru/theme/edu/13884/>). (In Russian).
- Commons J. (2011). Legal Foundations of Capitalism. Moscow: Publishing House of State University Higher School of Economics. (In Russian).
- Commons J. (2012). Institutional economics. *Terra Economicus*, vol. 10, № 3, pp. 69–76. (In Russian).
- Graham L. (2014). Can Russia Compete? The History of Innovations in Imperial, Soviet and Modern Russia. Moscow: Mann, Ivanov and Fiber, OJSC. (In Russian).
- Kvale S. (2009). The Qualitative Research Interview. Moscow: Smysl Publ. (In Russian).
- North D. (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Moscow: Nachala Publ. (In Russian).
- North D. (2000). Five propositions about institutional change. *Economic Club Quarterly Bulletin*, no. 4, pp. 3–15. (In Russian).
- North D. (2010). Understanding the Process of Economic Change. Moscow: Publishing House of State University Higher School of Economics. (In Russian).
- Olson M. (1995). The Logic of Collective Action. Public Goods and the Theory of Groups. Moscow: The Economic Initiative Fund Publ. (In Russian).
- Strauss A. and Corbin J. (2010). Basics of Qualitative Research. Grounded Theory. Procedures and Techniques. Moscow: KomKniga Publ. (In Russian).
- Tambovtsev V. (2014). Economics of informal institutions. Moscow: RG-Press. (In Russian).
- Veblen T. (1984). The Theory of the Leisure Class. Moscow: Progress Publ. (In Russian).
- Volchik V.V. and Berezhnoi I.V. (2009). Hierarchy and complementarity of institutions within the economic order. *Terra Economicus*, vol. 7, no. 2, pp. 65–73. (In Russian).
- Volchik V.V. and Berezhnoi I.V. (2012). Othor i ekzaptatsiya institutov: rol grupp spetsialnykh interesov [Selection and Exaptation of Institutions: the Role of Special Interest Groups] / In: Arkhipov A.Yu., Kirdina S.G. and Martishin E.M. (eds.) *Evolyutsionnaya i institutsionalnaya ekonomicheskaya teoriya: diskussii, metody i prilozheniya* [Evolutionary and Institutional Economic Theory: Discussions, Methods and Implications]. Ch. 8. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., pp. 165–187. (In Russian).
- Zyryanov V., Kotlovsky I. and Sinyakov F. (2012). Universities preparedness to implement the Federal State Educational Standards: organizational aspect. *Higher Education in Russia*, no. 12, pp. 3–13. (In Russian).
- Acemoglu D. and Robinson J. (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Acemoglu D. and Robinson J. (2012). *The Origins of Power, Prosperity, and Poverty: Why Nations Fail*. NY: Crown Business.
- Arthur W.B. (1989). Competing technologies, increasing returns, and lock-in by historical events. *The Economic Journal*, no. 99, pp. 116–131.
- Bowles S. and Naidu S. (2006). The Persistent Institutions. *Working paper*, no. 08-04-015. Santa Fe Institute.
- Brousseau E. and Raynaud E. (2008). Climbing the Hierarchical Ladders of Rules: The Dynamics of Institutional Frameworks. *Working paper, Economix*. University of Paris Quest La D'efense.
- David P.A. (1994). Why Are Institutions the «Carriers of History». *Structural Change and Economic Dynamics*, vol. 5, no. 2, pp. 205–220.
- David P.A. (2007). Path Dependence, Its Critics and the Quest for «Historical Economics» / In: Hodgson G.M. (ed.) *The Evolution of Economic Institutions: A Critical Reader*. Edward Elgar, pp. 120–142.
- Dequech D. (2013). Economic Institutions: explanations for conformity and room for deviation. *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, no. 1, pp. 81–108.
- Eggertsson T. (1990). *Economic behavior and institutions: Principles of Neoinstitutional Economics*. Cambridge University Press.

- Heikkila E.J. (2011). An information perspective on path dependence. *Journal of Institutional Economics*, vol. 7, issue 1, pp. 23–45 (doi:10.1017/S1744137410000202).
- Herrmann-Pillath C. (2006). Endogenous regionalism. *Journal of Institutional Economics*, vol. 2, no. 3, pp. 297–318 (doi:10.1017/s1744137406000427).
- Hodgson G.M. (2004). *The Evolution of Institutional Economics: Agency, Structure and Darwinism in American Institutionalism*. Routledge.
- Kaufman B.E. (2007). The Institutional Economics of John R. Commons: Complement and Substitute for Neoclassical Economic Theory. *Socio-Economic Review*, vol. 5, pp. 3–45.
- Kingston C. and Caballero G. (2009). Comparing theories of institutional change. *Journal of Institutional Economics*, vol. 5, issue 2, pp. 151–180 (doi:10.1017/S1744137409001283).
- Krug B. and Hendrischke H. (2010). Market design in Chinese market places. *Asia Pacific Journal of Management*, vol. 29, no. 3, pp. 525–546 (doi:10.1007/s10490-010-9225-5).
- Landini F. (2013). Institutional change and information production. *Journal of Institutional Economics*, vol. 9, issue 3, pp. 257–284 (doi:10.1017/S1744137413000064).
- Libecap G.D. (1989). *Contracting for Property Rights*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meyer J.W. and Rowan B. (1977). Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *The American Journal of Sociology*, vol. 83, no. 2, pp. 340–363.
- Nelson R.R. (1991). Why do firms differ, and how does it matter? *Strategic Management Journal*, Winter Special Issue (12), pp. 61–74.
- North D. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Olson M. Jr. (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies. *American Economic Review*, vol. 85, no. 2, pp. 22–27.
- Ostrom E. (2005). *Understanding Institutional Diversity*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Pierson P. (2000). Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *The American Political Science Review*, vol. 94, no. 2, pp. 251–267.
- Schmid A.A. (ed.) (2004). *Conflict and Cooperation: Institutional and Behavioral Economics* (doi:10.1002/9780470773833).
- Spencer J.W. and Gomez C. (2004). The relationship among national institutional structures, economic factors, and domestic entrepreneurial activity: a multicountry study. *Journal of Business Research*, no. 57, pp. 1098–1107.
- Williamson O.E. (2000). The New Institutional Economics: Taking stock, Looking ahead. *Journal of economic literature*, vol. XXXVIII, pp. 595–613.